

НА БЛИЖНЕМ Востоке экспертное сообщество широко обсуждает итоги ста дней нахождения Дональда Трампа в Овальном кабинете. Но если на Западе, как пишет американское издание "Вашингтон пост", "первые 100 дней президентства воспринимаются не более чем медийная условность для эффективных заголовков", то на Ближнем Востоке агентство "Аль-Джазира" стало подыскивать исторические прецеденты-символы. Оно указало, во-первых, на то, что "изначально 100 дней относились к периоду между бегством Наполеона Бонапарта с Эльбы и его окончательным поражением". Во-вторых, "вторжение Трампа на Ближний Восток стали сравнивать с походом Наполеона в Египет в 1798 году". Как известно, он намеревался подорвать британские торговые маршруты и расширить влияние Франции в регионе, "проникая в сердца восточных цивилизаций". В начале похода Наполеон продemonстрировал стратегическую смелость: сумел быстро завоевать Александрию и одержал победу в знаменитой битве у Пирамид, но потом англичанам удалось отрезать армию Наполеона от материковой Франции, и это разрушило надежды Наполеона на укрепление завоеваний и одновременно открыло Британии путь к дальнейшему наращиванию влияния в регионе. Политическая арена того времени была полна амбиций и интриг. Несмотря на все достижения французов, их завоевания в Египте быстро привлекли внимание великих держав Европы. Великобритания, в частности, видела в Египте ключ к контролю над Индией и торговыми путями в Восточном Средиземноморье. Она умело использовала дипломатические и военные рычаги, чтобы изолировать французов и организовать сопротивление. Египетский поход Наполеона Бонапарта продлился три года и обернулся неудачей, но, как пишет американский историк Ричард Нойштадт, "Ближний Восток после Наполеона стал готов меняться: был подорван многовековой строй мамлюков, и к власти в Каире пришёл Мухаммед Али Египетский. Будучи османским пашой, в 1831 году он восстанет против турецкого султана Махмуда II и войдёт в историю как основатель современного Египта. Мальта стала военно-морской базой. Чтобы провести французский флот в Красное море, Наполеон намеревался прорыть Суэцкий канал. Эти факторы влияли на взлёт и падение региональных и глобальных держав, способствовали продолжающимся конфликтам и сформировали ландшафт со сложными альянсами. Конечно, как указывает Нойштадт, "исторические параллели всегда условны, но они поучительны тем, что как "100 дней Наполеона" стали завязкой истории, а не финалом, так это может случиться и для Трампа". Кстати, именно на это указывал в 1993 году в своих мемуарах премьер-министр Израиля Шимон Перес, упоминая "историю вторжения Наполеона в Египет в 1798 году как начало

внешнего вмешательства в события региона", что стало "до настоящего времени важным фактором в формировании политического, экономического и социального ландшафта на Ближнем Востоке". В "сухом остатке" Трампа его достижения 100 дней в этом регионе не впечатляют. Перемирие между Израилем и ХАМАС, достигнутое ещё до инаугурации Трампа, но при деятельном участии его эмиссаров, сорвано. Боевые действия в регионе возобновились. США продолжают оказывать посреднические услуги: спецпосланник Стивен Уиткофф регулярно встречается с представителями воюющих сторон в Каире и Дохе и даже посетил сектор Газа. Однако пока Израиль и ХАМАС так и не договорились о возобновлении перемирия. Обозначены, но не определены главные направления политики. Трамп призвал к изгнанию палестинцев из Газы либо силой, либо добровольно. Что касается Ирана, то подход Трампа сочетает в себе переговоры, угрозу применения силы и оказание максимального давления. В то же время существует технический факт: действие резолюции Совета Безопасности ООН 2231,

подход отличается от традиционной дипломатии США, переориентируя альянсы, часто игнорируя традиционных партнёров и отдавая приоритет стилю переговоров, основанному на сделках и использовании рычагов, которые часто выходят за рамки существующих международных консультаций. Есть и другие особенности в подходах Трампа к внешней политике на Ближнем Востоке. Премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху для политического выживания необходима "перманентная война", что тактически совмещает его интересы с устремлениями Трампа держать регион в постоянном напряжении. Но в отношении Ирана Трамп ставит американские интересы выше израильских. Дела с Тегераном ведутся без доверительных консультаций с европейскими союзниками и региональными партнёрами, но с подключением российского фактора. В ход запущена и тарифная политика с целью продвижения своих геозэкономических интересов. Такая тактика не раскрывает стратегии в намерениях США строить "новый Ближний Восток", но наблюдается тренд в сторону маргинализации палестинской

ТРАМП В ПОСУДНОЙ ЛАВКЕ

Что нового в политике США на Ближнем Востоке

поддержавшей иранское ядерное соглашение, истекает в октябре 2025 года, после чего иранская ядерная программа перестанет быть предметом рассмотрения СБ ООН. Поскольку срок действия соглашения подходит к концу, необходимо новое соглашение, и Трамп вроде бы действует "по графику". Тем не менее, он также начал крупномасштабную войну против хуситов в Йемене, объявив своей целью обезопасить Израиль и обеспечить свободу судоходства в Красном море, и поручил своему министру иностранных дел работать над свободным проходом американских коммерческих и военных судов через Суэцкий канал. Параллельно предоставил Израилю свободу передвижения в военном отношении в Ливане, несмотря на усилия его посланника по достижению прекращения огня между ним и "Хезболлой".

В этих действиях нет последовательной стратегии для Ближнего Востока, а скорее это набор приоритетов и направлений. Трамп всё время балансирует между изоляционизмом и интервенционизмом, отвергает крупномасштабные военные интервенции и стремится уйти с Ближнего Востока, в то же время он участвует в нанесении ударов по хуситам, не имея чёткого представления о конце этой кампании. Такая политика затрудняет региональным субъектам предвидение и планирование действий США. Но такой

подход отличается от традиционной дипломатии США, переориентируя альянсы, часто игнорируя традиционных партнёров и отдавая приоритет стилю переговоров, основанному на сделках и использовании рычагов, которые часто выходят за рамки существующих международных консультаций. Есть и другие особенности в подходах Трампа к внешней политике на Ближнем Востоке. Премьер-министру Израиля Биньямину Нетаньяху для политического выживания необходима "перманентная война", что тактически совмещает его интересы с устремлениями Трампа держать регион в постоянном напряжении. Но в отношении Ирана Трамп ставит американские интересы выше израильских. Дела с Тегераном ведутся без доверительных консультаций с европейскими союзниками и региональными партнёрами, но с подключением российского фактора. В ход запущена и тарифная политика с целью продвижения своих геозэкономических интересов. Такая тактика не раскрывает стратегии в намерениях США строить "новый Ближний Восток", но наблюдается тренд в сторону маргинализации палестинской

новые решения, и Трампу необходимо время. По всем признакам, в Белом доме остро обсуждаются разные концепции и стратегии на Ближнем Востоке и вряд ли какие-то очертания нового курса проявятся раньше лета 2025 года.

Поэтому на данном этапе до появления новых правил игры американская дипломатия действует исключительно реактивно и сложно выделить решающий фактор, который может определить дальнейший ход событий.

ПОКА диспозиция остаётся прежней, и вооружённые силы США продолжают влиять на формирование геополитического ландшафта. Теоретически можно предполагать, что политика США будет откорректирована в силу процесса нормализации отношений с Россией и потенциально успешного завершения переговоров с Ираном.

Арабские монархии устраивает, когда в условиях бурных перемен глобальных геополитических приоритетов антииранская составляющая внешней политики Трампа перестаёт быть "преднамертанной и неизбежной". Прежде Иран в роли общего врага был нужен для сплачивания союзников в регионе, сейчас ставятся иные задачи. Если оценивать ближайшее будущее в контексте предстоящего визита в Саудовскую Аравию Трампа, то возможна реанимация так называ-

емых "Авраамовых соглашений" с подключением Саудовской Аравии и других стран не только ближневосточного региона. Кстати, в Эр-Рияде Трамп планирует провести саммит с участием глав государств Персидского залива, на котором, возможно, представит своё видение участия США в делах Ближнего Востока и изложит цели своей политики в регионе.

Но, как ни крути, вопрос об отношениях с Израилем остаётся открытым. Поддержка правительства Нетаньяху уже не имеет прежних масштабов. Существует несколько факторов, которые делают нынешнюю ситуацию на Ближнем Востоке значительно более сложной и требуют Вашингтон куда избирательнее, чем раньше, подходить к целям и задачам своей политики. Трамп даёт понять Тель-Авиву, что не намерен дальше выступать только в роли заложника его геополитических устремлений, хотя нормализация отношений Израиля с арабскими странами способна изменить ситуацию в регионе. В то же время лидеры арабских стран хорошо понимают, что Трамп делал и будет делать максимум в интересах США и Израиля, и им необходимо в очередной раз определиться с балансом интересов, когда появляются не только новые возможности, но и новые проблемы. Так что на Ближнем Востоке всё идёт как обычно, регион продолжает энергично пульсировать и ждать перемен.

Станислав ТАРАСОВ

На фото: лакомая цель йеменских хуситов американский авианосец «Гарри Трумэн» (водоизмещение 97 тыс. тонн, мощность двигателей 191 МВт, авиационная группа 90 самолётов и вертолётов)

Лейбористы, придя к власти в Британии летом 2024 года, обещали серьёзные улучшения в экономике, но бюджетный дефицит и госдолг продолжают нарастать. Гособлигации Британии из-за возросших рисков торгуются с доходностью 3,9–5,2%, удваивая за четыре года процентные расходы, что больше прироста социальных и военных расходов.

В 2025 году заканчивается переходный период Брекзита, в течение которого Британия уже не платила в бюджет ЕС, но ещё не платила пошлины в торговле с ЕС, и перспективы нового торгового соглашения пока неясны. Ранее Британия пользовалась ещё и беспогашенной торговлей с США, выступая хабом для товаров из Азии и Европы, а теперь Дональд Трамп ввёл пошлины против неё наравне с другими западными странами. Промышленность Британии даёт только 8% ВВП. Также британские заморские территории возглавляют рейтинг мировых офшоров, а вместе они являются самыми крупными держателями американских бумаг, критически завися от состояния американской финансовой системы и одновременно конкурируя с ней.

БЮДЖЕТНЫЙ ГОД в Британии закончился 31 марта, и 23 апреля были опубликованы итоги марта и года в целом. В июле 2024 года победившие на выборах лейбористы, обвиняя предшественников в выходе бюджетных расходов из-под контроля, обещали более ответственную бюджетную политику, однако большей ответственности не получились. Прочитируем для начала некоторые фрагменты речи канцлера казначейства Райчел Ривз перед Палатой общин 30 октября 2024 года с обвинениями в адрес предшественников: "Правительству (лейбористов. — Ред.) был дан мандат ...чтобы восстановить стабильность нашей экономики ...и начать десятилетие национального обновления. Чёрная дыра в государственных финансах. ...Государственные службы на коленях. ...Десятилетие низкого роста. Неработающие коммунальные службы. Списки ожидания (в государственной медицине. — Ред.) достигли рекордного уровня. Дети в вагончиках, крыши рушатся. Поезда, которые не прибывают. Реки заполнены отходами. Тюрьмы переполнены. Преступления, которые не расследуются. ...Это наследие старей".

Теперь продолжим цитирование речи уже по части обещаний: "...мы снова восстановим стабильность в нашей стране. Мы сохраним целевой показатель инфляции в размере 2%. ...Реальный рост (экономики. — Ред.) составит 2% в 2025 году. Мы запускаем нашу долгосрочную современную промышленную стратегию. Мы сохраняем рекордное финансирование инноваций. Компании (уже при нашем правительстве. — Ред.) вложили в эту страну 63,5 млрд фунтов, создав около 40 000 рабочих мест. Мы приведём текущий бюджет в равновесие ...чтобы нам не приходилось брать в долг для финансирования повседневных расходов. Это приведёт к более жёстким ограничениям повседневных расходов". Если наши читатели подумают, что мы сгущаем краски, то ещё раз повторим, что это стенограмма первой части речи второго человека в британском правительстве в стенах парламента.

Бюджет держался в рамках согласованных параметров до ноября, а в декабре — марте стал выходить из-под контроля. Накопленным итогом за эти четыре месяца набежало дополнительно на 16 млрд фунтов заимствований больше, чем прогнозировалось и обещалось в октябре. Всего же за закончившийся бюджетный год долг вырос на 152 млрд фунтов, тогда как год назад рост составил 137 млрд фунтов. Эти дополнительные 16 млрд фунтов кажутся мизерными 0,2% ВВП, но такой прирост всего за четыре месяца, а в миллиардах это больше роста военных расходов. Госдолг составляет 2 644 млрд фунтов на конец марта 2025 года, это 96% ВВП, на уровне марта 1917 года, когда уже два с половиной года шла Первая мировая война.

Газета "Завтра" в ноябре 2024 года описывала первые шаги нового правительства в статье "Бюджет лейбористов на 2025 год: громкие обещания и минимальные измене-

ния. Изменено или добавлено 50 млрд фунтов на фоне 1,3 трлн совокупных расходов". Полгода назад обещалось следующее: как процент ВВП расходы сохраняются ровно на прежнем уровне — 45,3% ВВП, а налоги вырастут с 40,8 до 41,7% ВВП. Также в бюджете сократятся инвестиции, чтобы повысить зарплаты бюджетникам. Это ускорит рост ВВП на 1,2% в следующем году. Такой рост позволит удержать госдолг как процент ВВП от роста, немного уменьшит дефицит, сократит ежегодные дополнительные заимствования. А теперь, чтобы как-то "продать" инвесторам и избирателям якобы управленность дефицитом и долгом, правительство

прибегает к манипуляциям. Делается упор на дефицит текущего бюджета 42 млрд фунтов, что вроде бы не много на фоне расходов 1 287 млрд фунтов и ВВП 2 564 млрд фунтов. Отдельно считаются инвестиционные расходы (строительство, оборудование), финансируемые полностью за счёт дефицита и роста долга, на 110 млрд фунтов за год, дескать, с окупаемостью от экономического роста. Суммарно дефицит текущего и инвестиционного бюджета 152 млрд фунтов, или 6% ВВП, при пороговых безопасных 3%. Такие фокусы с раздельным подсчётом европейские страны придумали ещё в начале 2010-х, во время жёсткой бюджетной экономики после стимулов выхода из кризиса 2008 года. До того считались все расходы, поскольку общественная инфраструктура почти вся бесплатная и не имеет отдельных доходов для погашения долга.

Ещё одной манипуляцией бюджетной статистики является игнорирование проблемы ежегодного погашения долга. Исторически долг никогда существенно не снижался в фунтах или долларах, а лишь статистически как процент ВВП на фоне инфляции и отчасти реального роста ВВП. Эта манипуляция стала всеобщей со времени бюджетного кризиса в Британии и США в конце 1980-х годов. Показатель "потребность в финансировании" включает как прирост нового долга, так и рефинансирование имеющегося. В закончившемся бюджетном году эта величина составила 299 млрд фунтов, или 11,7% ВВП. Манипулятивность этого заостряется во время финансовых кризисов, когда держатели гособлигаций ожидают их погашения, а не рефинансирования, и бюджет сталкивается с огромными проблемами.

Вроде были увеличены налоги, преимущественно подоходный на богатых и граждан с двумя паспортами, но часть сверхбогатых сменила налоговое резидентство, а социальные, медицинские и процентные

расходы выросли ещё больше из-за высокой инфляции. Налоги выросли на 36 млрд фунтов, а расходы на 57 млрд фунтов.

Основные статьи расходов такие: пенсионные и социальные (300 млрд), медицинские (213 млрд), образование (111 млрд), местные органы власти (112 млрд) — суммарно почти 60% всех расходов, вместе с капитальными и процентными — 74% всех расходов. Политики в Британии спорят о 2–3 млрд расходов плюс или минус по той или иной основной статье, и даже столь небольшие изменения вызывают бурные обсуждения и проблемы в обществе.

Военные расходы в закончившемся бюджетном году были 57 млрд фунтов, около 4,4% всех расходов и 2,2% ВВП, в бюджете 2019–2020 годов были 39 млрд фунтов. Отметим, что военные расходы были заявлены в 43 млрд фунтов, но набежали до 57 млрд за счёт инвестиционных и "перекидки" в военные части международных расходов. Так проявляется ещё и креатив повышения военных расходов до новых натовских нормативов.

Для сравнения, процентные расходы на обслуживание долга составили 105 млрд фунтов в закончившемся бюджетном году, а в бюджете 2019–2020 годов были 51 млрд фунтов. То есть процент-

расходами и большим долгом. МВФ уже понизил прогноз роста экономики Британии на 2025 год до 1,1%, что ниже обещаний Ривз, и даже такой минимальный рост может оказаться недостижимым. Хотя этот прогноз МВФ списал с британского же прогноза, выпущенного Офисом бюджетной ответственности, как бы независимым от правительства. Этот же офис ухудшил прогноз по инфляции до 3,2% в 2025 году, добавил 0,6% по сравнению с прогнозом полугодовой давности. Теперь заявленные Ривз 2% реального роста экономики и 2% инфляции выглядят недостижимыми даже по официальному прогнозам.

ВСЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ даёт Британии около 205 млрд фунтов из 2 564 млрд ВВП 2024 года, или 8%. Промышленность включает добывающую, обрабатывающую и пищевую (в России это три разные отрасли с отдельными строками статистики). Напомним, что Трамп в одном из своих ключевых указов по таможенному пошлинам бил тревогу по поводу деградации американской промышленности, которая даёт всего 11% ВВП.

В Британии экспортировано товаров на 359 млрд и импортировано на 591 млрд, с торговым дефицитом 232 млрд. Полу-

дически высказывают опасения по поводу отсутствия деталей нового соглашения.

Теперь Трамп добавляет ещё больше проблем британскому торговому бизнесу, установив пошлину на британские товары в размере 25%, аналогично базовым пошлинам на товары из Канады и Евросоюза. Казалось бы, британские фирмы в равных условиях с коллегами по западному блоку, однако до того пошлин против британских товаров почти не было, как и почти не было нетарифных административных барьеров, в отличие от постоянных торговых споров между США и Евросоюзом. Напомним, что наиболее серьёзные споры были по поводу самолётов, цифровых гигантов, автомобилей, металлургии, сельхозтоваров, нефти и газа. Американской администрации ещё предстоит разобраться в роли Британии в торговых цепочках поставок товаров из Китая и Вьетнама в обход ранее действовавших и особенно новых пошлин. Теперь же беспогашенному раю Британии приходит конец.

Следует добавить, что финансовое посредничество Британии как важное давление в беспогашенной торговле держится не только на британских банках, но и на разных офшорных юрисдикциях под британской короной. Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Бермуды занимают первые три места в мировом рейтинге основных офшоров, где ещё на восьмом месте британский Джерси, а ещё в лондонском Сити есть особые типы компаний под иностранными операциями с минимальными налогами.

Президенту США Джо Байдену, точнее, его администрации, не удалось побороть офшоры и внедрить глобальный налог на прибыль, так что Трамп отменил эту затею, поменяв её на пошлины. Однако кто знает, куда позже качнётся глобальная борьба с офшорами, всё ещё поддерживаемая Организацией экономического сотрудничества и развития и подавляющим большинством развитых стран.

Ещё Британия теснейшим образом переплетена с американской финансовой системой. Британия в лице правительства и банков делит второе-третье место с Китаем среди крупнейших держателей американских гособлигаций (750 млрд долл.), а ещё Каймановы острова с 418 млрд долл., которые делают Британию первым держателем, почти наравне с Японией с 1 126 млрд долл. Помимо гособлигаций, есть ещё большее пересечение по корпоративным облигациям и акциям. По результатам глобального финансового кризиса 2008 года банковской система и бюджет США серьёзно пострадали, но четыре из пяти крупнейших британских банков оказались на грани коллапса, потребовавшего их национализации за счёт скачка государственного долга с 35% до 98% ВВП с 2007 по 2013 год, от чего британский бюджет до сих пор не может оправиться. Если дела у Трампа с обуздание огромного бюджетного дефицита не заладятся и начнётся серьёзный бюджетный кризис, тогда 2008 год покажется британской банковской и бюджетной системе лёгкой прогулкой.

Так что выход бюджетной системы и госдолга Британии из-под контроля уже начал проявляться в недавней статистике и будет усиливаться разочарование инвесторов и избирателей правительством Стармера. Завершение же переходного периода Брекзита и пошлины Трампа способны добить британскую торговую-финансово-посредническую экономику с минимумом своего производства.

Сергей АНУРЕЕВ, доктор экономических наук

БРЕКЗИТ ПЛЮС ПОШЛИНЫ

Торгово-финансовому раю Британии приходит конец

ные расходы выросли в 2,1 раза за пять лет, а военные — лишь в 1,46 раза даже с учётом креатива подсчётов. На 2025–2026 годы военные расходы увеличены на 2,2 млрд фунтов до 2,36% ВВП.

В закончившемся бюджетном году (начавшемся с марта прошлого года при правительстве консерваторов) было предусмотрено расходов на Украину 3 млрд фунтов с формулировкой "военная помощь", а правительство лейбористов выделило ещё 2,26 млрд фунтов в долг с погашением из прибыли от заморозки российских активов. Пока трудно понять, пройдут эти 2,26 млрд как рост военных расходов?

ВСЯЗИ СО ВСЕМ вышеизложенным инвесторы будут всё меньше верить реляциям правительства о подконтрольности долга, стремясь к более высоким процентным ставкам как компенсации за растущий риск. В конце апреля этого года британские облигации торгуются с доходностью по двудлетию до 5,22% по тридцатилетию, тогда как германские — от 2,2% до 2,5%. Статистически у Германии долг 62% ВВП со стабильно величюной, а у Британии — в полтора раза больше с растущей величиной. В 2007 году долг Германии был 63,7% ВВП, а Британии — 35,5% ВВП, но теперь долговая нагрузка сильно изменилась.

Премия за британский риск относительно германского составляет дополнительные 1,6–2,7% годовых — кажется, немного, но в реальности даёт дополнительные 57 млрд фунтов в процентных расходах из 105 млрд фунтов их общей величины. Получается, что дополнительный риск более чем удваивает процентные расходы и совпадает с возросшими военными расходами.

К тому же тарифная война Трампа увеличивает инфляцию и снижает экономический рост, дестабилизирует бюджеты многих стран, особенно с большими социальными

чается, внутреннее производство всего треть от импорта, а торговый дефицит больше внутреннего производства. Даже в США эти показатели заметно лучше.

Торговый дефицит Британии покрывает в основном большим профицитом услуг, экспортируя их на 473 млрд и импортируя на 297 млрд, с профицитом 176 млрд, сводя суммарный дефицит в торговле товарами и услугами до 25 млрд. Основными услугами являются финансовые, поскольку Лондон пытается соперничать с Нью-Йорком за первое-второе места как глобальный финансовый центр.

Главное же в торговле Британии заключается в почти отсутствии пошлин с основными странами, точнее, просто в торговом посредничестве с небольшой "переупаковкой". Крупнейшими странами с торговым дефицитом для Британии (откуда Британия больше импортирует) являются: Китай (дефицит 75 млрд), Норвегия (49 млрд), США (33 млрд), Германия (30 млрд), Италия (19 млрд), Испания (12 млрд), Польша и Канада (по 10 млрд), Вьетнам, Турция и Казахстан (по 8 млрд).

Главной и давно назревающей проблемой Британии как беспогашенного торгового хаба является завершение переходного периода Брекзита летом 2025 года. Следует напомнить, что временно Северная Ирландия осталась в таможенном пространстве Евросоюза, несмотря на принадлежность Британии и Брекзиту. СМИ уже сообщали об оптимистичных заявлениях премьеры Кира Стармера по предварительным переговорам с главой Еврокомиссии Урсулой фон дер Ляйен. Глава Еврокомиссии якобы забыла основную ловку Брекзита в виде экономики на взносах в бюджет Евросоюза с сохранением торговых предпочтений. Также якобы забыто соперничество между Франкфуртом и Лондоном за место второго финансового центра мира. Тем не менее даже члены кабинета лейбористов перио-